

**О «ПРЕДИСЛОВИИ» К ГОГОЛЕВСКОЙ ПОВЕСТИ
О ДВУХ ИВАНАХ**

В первом выпуске гоголевского «Литературного архива» (1936) Н.Л. Степанов впервые опубликовал неизвестное авторское предисловие к «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Оно сохранилось в составе уникального экземпляра «Миргорода» издания 1835 года, находившегося в библиотеке Академии Наук СССР, и не повторялось в других экземплярах. Отсутствовало оно и во всех последующих переизданиях сборника; «оно не только не включалось ни в одно из собраний сочинений, но и о самом существовании предисловия не упоминалось ни у кого из исследователей Гоголя».

Это «предисловие» состоит из четырех предложений:

«Долгом почитаю предуведомить, что происшествие, описанное в этой повести, относится к очень давнему времени. Притом, оно совершенная выдумка. Теперь Миргород совсем не то. Строения другие; лужа среди города давно уже высохла и все сановники: Судья, Подсудок и Городничий люди почтенные и благонамеренные» [1; 5].

Н.Л. Степанов в обширном комментарии к публикации этого «предисловия» указал как на его «"щедринскую" обличительную направленность и социальную обобщенность», так и на «явно иронический характер»: «Якобы "благонамеренное" утверждение, что "теперь" "все сановники: судья, подсудок и городничий люди почтенные и благонамеренные", в соседстве с заявлением о том, что "лужа среди города давно уже высохла", не оставляет сомнений в <...> замаскированной полемике с цензурой, в намеках на какие-то нам неизвестные обвинения в "неблагонамеренности", которыми, вероятно, мотивировано было цензурное запрещение "некоторых мест" повести». Далее исследователь рассматривает цензурную историю первой публикации повести (во второй части альманаха «Новоселье» 1834 г.) и высказывает предположение, что цензор А.В. Никитенко изъял оттуда «некоторые места» – а приведенное выше «предисловие» скрытым образом выражало какое-то «возмущение» автора цензурой... [1; 22-24].

Но почему же тогда оно «присутствует» лишь в единственном уникальном экземпляре «Миргорода»? Между тем, в этом же экземпляре отсутствует заключение повести «Вий» – разговор богослова Халявы с Тиберием Горобцом об участии Хомы Брута, непосредственно

предшествовавшее повести о двух Иванах. В.А. Воропаев предпринял специальный «анализ типографских знаков различных экземпляров “Миргорода”» и объяснил появление этого предисловия, «в первую очередь, внешней, технической причиной – оставшимся незаполненным при наборе “лишним” листом. Между набранной прежде с печатного текста “Повестью...” и набиравшимся затем с рукописи “Вием” возник “пробел”, который Гоголь попытался заполнить сначала указанным предисловием, а затем написал окончание “Вия”» [2; 485].

Последнее предположение кажется более естественным и точным: приведенное «предисловие» к повести о двух Иванах было «вынужденным». Но в этом случае – возникшее в виде *предисловия* – сообщение о том, что «Миргород» нынче «совсем не тот», что выведен в повести, должно было нести важное *смысловое* значение, подобное тому, какое несет заключение «Вия». В этом заключении подводятся итог: герой повести «пропал оттого, что побоялся» – и этот итог позволяет представить в новом свете всё предшествующее. Что же такого могло «добавить» к смыслу повести о двух Иванах это «предисловие»?

Давно уже отмечено, что заглавие сборника «Миргород» не очень соотносится с его содержанием. Это заглавие вместе с двумя эпитафиями на титульном листе – из «Географии Зябловского» и «Из записок одного путешественника» – указывали на реально существующий «нарочито невеликий при реке Хороле город»: на Полтавщине, в тех самых местах, где прошло детство писателя. Между тем, собственно в Миргороде происходят только события интересующей нас «Повести о том, как поссорился...». События «Старосветских помещиков» разворачиваются где-то в «отдаленной деревне» – может быть, в Миргородском уезде, а может быть – и нет, а действие «Вия» и «Тараса Бульбы» происходит уже определенно не на Миргородщине.

Поэтому уже один из первых рецензентов П. Юркевич недоумевал, что Гоголь назвал «свою книгу, *не знаем почему*, именем уездного городка Полтавской губернии...» [3; 459]. А современный исследователь уточняет: «Если говорить о сборнике в целом, то события как бы смещаются в сторону от Миргорода, как они смещались в сторону от Диканьки в первом гоголевском сборнике. А между тем, и Диканька, и Миргород по степени своей наглядности и выразительности приближаются к топографическим символам. Но оба символа, оказывается, обозначают понятия, которые выходят за пределы географического пространства произведений» [4; 328].

Для недавних работ о Гоголе очень характерно это устремление к *символическому* истолкованию топоса «Миргород». Так, М. Вайскопф отметил, что в сочинениях Григория Сковороды название малорос-

сийского уездного города превращается в аллегорическое философское понятие, своего рода библейского «града Божия», куда должны вернуться души праведников. Согласно этимологии Сквороды (неверной по существу!), название «Миргород» – это перевод названия «Иерусалим», истолкованного как «город мира» [5; 213-216]. А поскольку сочинения Сквороды объявлены ныне одним из важнейших источников гоголевского творчества [6; 121-145], следовательно, какого-то иного «объяснения» названию гоголевского сборника искать нечего.

М.Н. Виролайнен в недавнем исследовании, посвященном сюжетам и мифам русской словесности, сочла нужным несколько уточнить это представление: «Гоголь <...> изображает *не небесный, а земной город*. Но остающийся за рамками изображения град небесный составляет второй, неясный план, как бы потенциальное второе измерение земного города» [7; 361]. Между тем, в приведенном выше «предисловии» Гоголь обеспокоен именно «земным» Миргородом. Более того, именно «земной» Миргород стал своеобразным знаком того, что последующие поколения назвали *гоголевщиной*. Вот характерное восприятие В.А. Гиляровского, который посетил Миргород через 90 лет после рождения Гоголя – в январе 1899 года:

«...я гулял по Миргороду и глубоко сожалел, что теперь зима и всё занесено снегом, и не видно даже знаменитой лужи <...> Мне тогда сказали миргородцы, что лужи этой больше не существует и что на месте ее разбит городской сквер, а что луж есть несколько и есть такие же большие, к великой радости гусей и свиней, может быть, идущих по прямой линии от той супоросной бурой свиньи, которая стащила и съела очень важную казенную бумагу из суда.

Видел я еще то, чего не было в доброе старое время: видел я казенную винную лавку, около которой стояла толпа миргородцев и пила из горлышка водку, закусывая снегом, а то и ничем, и запах от этой толпы напоминал мне тот момент в поветовом суде, когда Иван Никифорович со своей просьбой застрял в двери <...> Такой же запах был от толпы близ питейной лавки, находившейся в переулке, напоминавшем тот “переулок, который был так узок, что если случалось встретиться в нем двум повозкам в одну лошадь, то они не могли уже разъехаться и оставались в таком положении до тех пор, покамест схвативши за задние колеса, не вытаскивали их каждую в противную сторону, на улицу”.

Таковым был Миргород зимой, Миргород, прославленный Гоголем, и весь этот край, где каждое место напоминало Гоголя – край, который смело можно назвать “Гоголевщиной”» [8; 383].

Эта «Гоголевщина» имела прямые географические ориентиры и во времена Гиляровского показательно представляла, например, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. «Миргород –

уездный город Полтавской губернии, при реке Хорол, в 133 верстах от губернского города и 22 верстах от Харьковско-Николаевской железной дороги. При польском владычестве входил в состав Вишневецчины. После присоединения Малороссии был полковым городом Миргородского полка, а по упразднении гетманского управления причислен к Киевскому наместничеству, потом присоединен к Черниговскому наместничеству, в 1797 г. вошел в состав Малороссийской губернии, с 1802 г. уездный город Полтавской губернии. В 1864 г. жителей было 9841, к 1 января 1896 г. – 11087 (5985 мужчин и 5102 женщины). Православных 8967, раскольников 262, католиков 185, протестантов 48, евреев 1591, прочих исповеданий 34. Дворян 284, духовного сословия 45, почетных граждан и купцов 132, мещан 8265, военного сословия 593, крестьян 1695, прочих сословий 73. Домов в 1864 г. было 1166, в 1895 г. 1618 (каменных 19, деревянных 207, мазанок 1392), владений городских 1592, торговых помещений жилых 24, нежилых 79, складов, амбаров и т. п. 28, мелких промышленных заведений 20, мыловаренный завод 1, кузниц 16. Церквей 4, еврейская синагога 1, городское и приходское училища, промышленная школа имени Н.В. Гоголя; 5 ярмарок. Торговля весьма незначительна. Городских доходов в 1895 г. было 10200 руб., расходов 10148 руб., в том числе на городское управление 2230 руб., на народное образование 1350 руб., на врачебную часть 485 руб. Земская больница на 20 кроватей, 3 врача, 6 фельдшеров, 1 акушерка, 2 аптеки.

По сравнению с данными из «Географии Зябловского», приведенными Гоголем в эпиграфе к сборнику, уездный малороссийский город несколько увеличился и изменился, – не изменилась лишь его «мифология». В ее составе – те же опорные данности: «знаменитая лужа», «та самая бурая свинья», «такой же питейный запах», «тот же» узкий переулок... Она как будто «приросла» к географическому Миргороду, на всё дальнейшее время определила отношение к нему – его не изменили даже позднейшие открытия, что вода в «знаменитой луже» оказалась минеральной.

Как же должны были отнестись к подобным гоголевским описаниям жители реального Миргорода, волею судеб оказавшего столь несимпатично отображенным? Вот свидетельство, записанное тем же Гиляровским от одной из современниц Гоголя:

«Мать Гоголя, Марья Ивановна, приехала в Миргород по делу в поветовый суд, после того уже, как появился рассказ об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче. Миргородские чиновники были так злы на Гоголя, что Марье Ивановне не предложили сесть, и она простояла часа два, пока не получила нужную справку» [8; 396].

А вот что писал Гоголю о своем посещении Миргорода его ближайший приятель А.С. Данилевский; посещение это произошло в

1842 г., когда общество обсуждало новое произведение писателя – «Мертвые души»:

«Патриоты нашего края, питая к тебе непримиримую вражду, теперь благодарны уже за то, что ты пощадил Миргород. Я слышал между прочими мнение одного, который может быть оракулом этого класса господ, осыпавшего такими похвалами твои “Мертвые души”, что я сначала усомнился было в его искренности; но жестокая хула и негодование на твой “Миргород” помирили меня с нею. “Как! – говорил он, – миргородский уезд произвел до тридцати генералов, адмиралов, министров, путешественников вокруг света (черт знает, где он их взял!), проповедников (не шутка!), водевилста, который начал писать водевили, когда их не писали и в Париже”. Это относилось к Нарезному, как после объяснил он, и проч., и проч., и проч.; всех припомнить не могу! Да, ты лучше поймешь, когда я скажу, что твой ласкатель и противник не кто таковский, как Василий Яковлевич Ламиковский» [9; 71].

В.Я. Ламиковский (1777–1848) был ближайшим соседом Гоголей по имению и человеком очень незаурядным. Возле дедовского села Шафоростовка он устроил хутор с говорящим названием «Парк-Трудолюб»; поселился там и усердно занялся собиранием и изучением памятников родной старины. Одним из первых он начал собирать сведения по истории и этнографии Миргородчины, записывать украинские думы; составил весьма ценный «Словарь малорусской старины». «Никошу» Гоголя он знал с детства и относился к нему недоброжелательно и пристрастно [4; 129, 171-172].

Но дело не в «пристрастном» отношении. Те аргументы против нарисованного Гоголем образа «Миргорода», которые он приводил, были вовсе не бессмысленны. И если злость на писателей миргородских судейских чиновников объяснялась «личностью» – наших затронули! – то неприятие Ламиковского имело иные основания. Взгляд Гоголя на «географический» Миргород активно противостоял собственно «краеведческому» взгляду: ведь его оппонент (который, однако, с восторгом принял «Мертвые души»!) был краеведом Миргородчины, и в этом смысле очень достойным человеком!

Отправной точкой осмысления того края, в котором живешь, оказывается гордость тем, что считается *своим*. И, соответственно, естественное преувеличение истинных или мнимых исторических «заслуг» этого «своего» в масштабе целого государственного или национального единения. Для краеведа показателем, например, «подсчет» именитых земляков – «генералов, адмиралов, министров, путешественников вокруг света» и т.д. Краеведу очень важно указать, например, что Гоголь, описывая ярмарку, имел в виду ярмарку в

Яновщине: «Ее-то, говорят, Гоголь и описал и назвал ее “Сорочинской” потому, что Сорочинцы были известны во всей округе, а Яновщину в те времена и не знал никто. <...> Назови Гоголь ярмарку не Сорочинской, которая знаменита, а Яновщицкой – и тоже б подняли на смех». Так передает «краеведческие» рассуждения тот же Гиляровский, рассказывая еще, что даже аферу с мертвыми душами впервые придумали в гоголевских местах [8; 392, 399-400]. Даже не очень лестная с нравственной точки зрения информация вызывает «краеведческую» гордость, поскольку так или иначе, пусть даже «анекдотическим» образом, «возвышает» *своё*.

Гоголь же в описании Миргорода (в повести о двух Иванях) исходил из принципиально иной посылки. Как отметил Ю.М. Лотман, воссоздавая «физически осязаемое» пространство Миргорода, автор утверждал неразумность привычного «разделения» на «свое» и «не свое», столь значимого в «краеведческом» мировосприятии. Поэтому в этой повести «нет единого пространства»; поэтому Гоголь предлагает иной взгляд, чем, например, в «Вечерах...»: он «не открывает просторов, не расширяет горизонта, линия которого совмещается с границами двора». Словом, «Миргород, обуянный эгоизмом, *перестал быть пространством* – он распался на отдельные части и стал хаосом» [10; 640-643].

При подобном восприятии Миргорода как «пространства» топос Миргорода уже не мог быть воспринят как *своё*. Но и «символическим» топосом отнюдь не становился: для этого необходимо хотя бы условное «имя» – вроде щедринских Крутогорска, или Глупова, или пушкинского Горюхина. «Земной», реальный уездный Миргород, действительно расположенный «при реке Хороле», действительно имеющий «1 канатную фабрику, 1 кирпичный завод, 4 водяных и 45 ветровых мельниц» и действительно производящий вкусные «бублики из черного теста» – *никуда из текста не уходил*.

В художественном мире Гоголя «Миргород» возник еще в 1831 году – на первой странице «Вечеров на хуторе близ Диканьки». В предисловии к первой части сборника пасичник Рудый Панько жалуется на трудности, связанные с появлением «какого-то пасичника» «в большом свете»: «Да что говорить! *Мне легче два раза в год съездить в Миргород*, в котором, вот уже пять лет, как не видал меня ни подсудок из земского суда, ни почтенный иерей, чем показаться в этот великой свет» (I; 103).

С обыденной «географической» точки зрения желание Рудого Панько «съездить» именно в Миргород кажется весьма странным. Он проживает «близ Диканьки», села, расположенного совсем не в Миргородском уезде, а в непосредственной близости от *губернской*

Полтавы. Жители Диканьки запросто в Полтаву наведываются: кузнец Вакула нарочно был вызван туда сотником, чтобы «выкрасить дощатый забор» (I; 203). А до Миргорода – полтораста верст пути, в другую сторону: зачем пасичнику туда ездить?

Единственно, чем может быть объяснено это желание: он хочет «повидаться» с названными тут же персонажами повести о двух Иванах – и, соответственно, повращаться в «великом свете»! Почему-то именно уездный Миргород, а не губернская Полтава становится в его глазах истинным «образцом» этого «большого света». Почему-то именно на «ассамблее» у миргородского городничего появляются и знакомые нам «рассказчики», блиставшие на вечерах у Рудого Панька – Фома Григорьевич и «полтавец» Макар Назарьевич (I; 196; II; 263). Каким-то образом топоним «Миргород» в сознании Гоголя оказался связан с топонимом «Диканька» *еще до появления* самого сборника «Миргород».

Если Диканька непосредственно противостоит Петербургу («А про сад и говорить нечего: в Петербурге вашем, верно, не сыщете такого» – I, 106), то Миргород воплощает в себе сопоставление несколько другого плана – не просто «Петербург», а вообще «*великой свет*» в его «негеографической» перспективе. Обратим внимание на то, что Рудый Панько сокрушается не о том, что сам *он* не посещал представителей этого «великого света», а о том, что этот «свет» был лишен удовольствия видеть *его*: «вот уже пять лет, как не видал меня ни подсудок из земского суда, ни почтенный иерей». То есть именно пасичник с далекого хутора мог бы внести в этот «свет» нечто оживляющее.

Ю.М. Лотман отметил яркую деталь, показательную для художественного пространства в прозе Гоголя: у него «устойчиво представление об отраженном (перевернутом) пейзаже как образе простора: отражение, дополняющее небесный свод над головой его образом под ногами, снимает ограничительную поверхность, замыкающую пространство снизу и является <...> выражением пространственной модели безграничности» [10; 642]. В подтверждение этому наблюдению исследователь привел ряд примеров из «Вечеров...»: отражение «с середины Днепра» или в некоей «голубой, прекрасной бездне» (I; 114, 246).

Но в повести о двух Иванах «нижним» носителем этой «модели безграничности» оказывается «удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось видеть». Именно знаменитая *лужа* становится выражением «простора» в границах этого «великого света»: «Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно

принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте ее» (II; 244). И не «зеркало» любит отражением, а само искаженное «отражение» («домы» превратились в «копны сена») «дивятся» красоте этой самой «лужи»... Всё как будто смешалось в пределах этого пародического «света».

Обратимся с учетом сказанного к основным идеям, высказанным в приведенном «предисловии». В нем – серия весьма «лукавых» утверждений.

Оно начинается утверждением, «что происшествие, описанное в этой повести, *относится к очень давнему времени*». Но ведь само «происшествие» – ссора Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича – в повести *датировано*: в прошении Ивана Ивановича указано, что «смертельная обида» была ему учинена *«сего 1810 года июля 7 дня»* (II; 248). С момента «происшествия» до времени написания повести прошло 23 года. Причем, надо указать, что поставленная дата отнюдь не произвольна: в повести довольно много указаний на то, что ее действие относится именно к этому времени. Так, непосредственно перед ссорой Иван Иванович рассказывает соседу, «что три короля объявили войну царю нашему» и что они «хотят, чтобы мы все приняли турецкую веру» (II; 236). Г.А. Гуковский характеризует это сообщение как «идиотский разговор двух обывателей» [11; 153], – но оно имеет под собой реальную основу. Еще в декабре 1806 г. возобновился русско-турецкий конфликт (после занятия русскими войсками придунайских княжеств); в августе 1807 г. было заключено перемирие – но к концу 1809 г. война с Турцией возобновилась и продолжалась вплоть до 1811-1812 гг., до победы русских войск под Русуком и Бухарестского мирного договора. Даже «три короля» упомянуты не просто так: в эти же годы происходили русско-французская и русско-шведская кампании, а летом 1809 г. Россия еще формально участвовала в войне с Австрией. А у городничего левая нога была «прострелена в последней кампании». Из его рассказов выясняется, что это была «кампания тысяча восемьсот седьмого года» (подвиг городничего на которой заключался в том, что он «перелез через забор к одной хорошенькой немке» – II; 256).

Итак, «происшествие», совершившееся 23 года назад (при жизни самого Гоголя), маркировано как относящееся к «очень давнему времени». Между тем, событие, ставшее основой повести «Ночь перед рождеством» (единственной из цикла «Вечеров...» повести, действие которой происходит в Диканьке) тоже довольно легко «датируется» по косвенным признакам: кузнец Вакула приобрел царицыны черевички в рождественскую ночь 1774 года. Таких признаков множество: в разговоре с царицей запорожцы вспоминают события завоевания Крыма

летом 1774 г. (а с августа 1775 г. сама Запорожская Сечь перестала существовать); активно действует «куда тебе царь» Г.А. Потемкин, пик «романа» которого с императрицей пришелся на 1774-1775 гг. (даже состоялось тайное венчание); представлен успех комедии Д.И. Фонвизина «Бригадир» (1770) и т.п.

Но автор повествует о действии «Ночи перед Рождеством» как о сравнительно «*недавнем*», между тем, как от времени действия до времени написания прошло, по меньшей мере, 55 лет – времена молодости «дедов».

Почему-то для топоса Диканьки важно, что происходящее почти *современно* рассказчику, а для топоса Миргорода необходимо «очень давнее время»? Тем более, что следующая фраза предисловия дезавуирует и это «время действия»: «*оно совершенная выдумка*». Не всё ли равно, к какому времени относится «выдумка»?

Следующая посылка предисловия на фоне этой «выдумки» выглядят как будто вполне бессмысленной: «*Теперь Миргород совсем не то. Строения другие; лужа среди города давно уже высохла...*». «Строения» – это те самые «домы и домики, которые издали можно принять за копны сена», а «удивительная лужа» представлена в рассказе важной достопримечательностью, отличающей уездный Миргород от других подобных городков. Хорошо это или плохо, что «строения другие», а «лужа высохла»? Кажется, что скорее плохо, чем хорошо.

И, наконец – «*все сановники: Судья, Подсудок и Городничий люди почтенные и благонамеренные*». Но названные три «сановника» и в самом рассказе наделены разве что яркими человеческими недочетами, вполне «извинительными» (вроде специфической походки городничего или находящейся «под самым носом» верхней губы «почтенного судьи»). Если что и является предметом гоголевской сатиры в этой повести, то это уж никак не «неблагонамеренность» городских чиновников...

Серия лукавых утверждений гоголевского «предисловия» непонятна в своей целенаправленности: они ничего не уточняют и ничего не объясняют. И от чьего «лица» выступает в данном случае автор «Миргорода»? – очень уж непохож стиль этого «предисловия» на слог всего последующего рассказа о соре двух Иванов.

3 декабря 1833 г. Пушкин отметил в дневнике: «Вчера Гоголь читал мне сказку, *Как Ив. Ив. поссорился с Ив. Тимоф.*, – очень оригинально и очень смешно» (XII; 316). В этой записи наиболее интересно пушкинское определение жанра гоголевской повести о двух Иванях – «сказка». Это определение явно ориентирует на оригинальную «сказовую» манеру гоголевского повествования. Примечательно, что

сам Гоголь давал такое же жанровое определение той истории из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», которую собирался поместить в сборнике сам рассказчик Рудый Панько: «Я, помнится, обещал вам, что в этой книжке будет и моя сказка. И точно, хотел бы это сделать, но увидел, что для сказки моей нужно, по крайней мере, три таких книжки. Думал было особо напечатать ее, но передумал» (I; 197; предисловие ко второй части «Вечеров...»).

Гоголь читал Пушкину свою «сказку», вероятно, еще прежде ее окончательной отделки, собираясь отдать ее А.Ф. Смирдину для второго выпуска альманаха «Новоселье», в котором она и появилась (вместе с пушкинским «Анжелом») весной 1834 г. При этом он как будто стремился представить ее как напечатанную «особо» обещанную «сказку» Рудого Панька.

Гоголь («Рудой Панько») в этот период представал в глазах читающей публики известным и много обещающим «комическим» писателем – и пользовался спросом. Земляк и друг его М.А. Максимович собирал в конце 1833 г. в Москве материалы для третьего выпуска альманаха «Денница» и просил что-нибудь новое от Гоголя. У Гоголя к этому времени для Максимовича ничего не было, но обидеть приятеля отказом он не хотел. Повесть о двух Иванах должна была явиться в другом альманахе – и автор предварял это будущее появление весьма оригинально:

«Я чертовски досаую на себя за то, что ничего не имею, чтобы прислать в вашу Денницу. У меня есть сто разных начал и ни одной повести, и ни одного даже отрывка полного, годного для альманаха. Смирдин из других уже рук достал *одну мою старинную повесть, о которой я совсем позабыл и которую я стыжусь назвать своею*; впрочем, она так велика и неуклюжа, что никак не годится в ваш альманах» (письмо от 9 ноября 1833; X, 283; курсив мой – В.К.).

О том же Гоголь чуть раньше сообщал в письме к М.П. Погодину: «Извини меня перед Максимовичем, что я не могу ничего дать ему, у меня ничего нет, ничего совершенно для альманаха <...>. Где-то Смирдин выкопал одну повесть мою и то в чужих руках, *писанную за Царя Гороха. Я даже не глядел на нее*, впрочем, она не годится для альманаха на 1834 год, я отдал ее ему» (письмо от 28 сентября 1833; X; 278; курсив мой – В.К.).

Естественно, Гоголь лукавит: из каких еще «других рук» мог издатель получить его новую повесть? Впрочем, ему почему-то важно представить повесть о двух Иванах, написанную не ранее лета 1833 г., как свое «старинное», еще времен «Царя Гороха», «позабывтое» произведение. Не случайно же в альманахе «Новоселье» повесть была напечатана с датой «1831 г.», за подписью «Рудый-Панько», да еще и с

подзаголовком «Одна из неизданных былей пасичника Рудого Панька». В этом подзаголовке (принадлежащем скорее всего самому Гоголю) произведение обозначено уже не как «сказка», а как «быль».

В сборнике «Миргород», как мы знаем, «Рудый Панько» отсутствует. Но – почему, если второй сборник писателя включал в себя «повести, служащие *продолжением*» первого? Значит, и они тоже были рассказаны на «вечерницах» у хлебосольного пасичника? Этот «Рудый Панько» стал очень удачной литературной маской: под этой «маской» Гоголь, например, фигурировал в начале 1834 г. на обложке самого популярного русского журнала «Библиотека для чтения» – в компании лучших русских литераторов и ученых. И в «Новоселье» Гоголь пришел именно как «Рудый Панько» – своеобразный символ стабильности и устойчивости провинциального малорусского бытия.

Хутор Рудого Панька вносил в повествование атмосферу осознанной «домашности», уюта. Сам «издатель» повестей выступал и их первым «слушателем» – и, соответственно, в роли «хозяина» всего действия и «пастыря», мог выступать и в роли «цензора»: отсекал, например, «такие страшные истории, что волосы ходили на голове» [I; 106] или вразумлял «занесшегося» Макара Назаровича [I; 196]. А кому ж в Миргороде «вразумлять»?

Миргород представляет совсем другой тип рассказчика, явленный как раз в интересующем нас «предисловии». Этот рассказчик не только стилистически противостоит Рудому Паньку, но и по характеру своему далек от роли «хозяина». Он совсем не уверен в значительности и достоверности той «выдуманной были», которую выносит на суд «большого света». Поэтому он смиренно просит у «света» принять во внимание и «очень давнее время», в которое произошло это происшествие, которое притом «совершенная выдумка». И то обстоятельство, что «Миргород совсем не то», что представлено в повести. И, наконец, подчеркивает, что все власть имущие – «люди почтенные и благонамеренные». Рассказчик как будто смиряется и склоняется перед будущими «недовольными», чего никогда не стал бы делать Рудый Панько.

С легкой руки Андрея Белого в гоголеведении принялось сопоставление двух произведений из сборника «Миргород»: «Тараса Бульбы» и повести о двух Иванах. В них сопоставлены героический уклад прошлой жизни и пошлый, ничтожный уклад современного бытия – «конец напевного “вчера” с началом непевучего “сегодня”». Ведь те старинные вещи, которые «тощая баба» проветривает из сундука Ивана Никифоровича («синий казацкий бешмет», «старинное седло», огромные «шаровары» и злополучное ружье) – это обиходные предметы быта «исторического Тараса, как знать, не прадеда ли

Довгочхуна» [12; 17-18]. Соответственно этой аналогии идет и антиномия: «...если в Сечи – свобода, равенство и братство, то в Миргороде Довгочхуна – “поклонничество”, гнусное царство бюрократии, кляузы суда, общество, деленное условными различиями мелких социальных делений <...>. Здесь не только не равенство, но на первом плане ерунда сословных предрассудков, так как очень важно (для Иванов!) то, что Иван Иванович – из духовного звания, а Иван Никифорович гордится исконным дворянством» [11; 163].

И сколь бы «давно» ни произошло событие ссоры двух Иванов, на нем остается налет тех данностей условного «света», которые в ходу именно сейчас, в настоящий момент времени, которые снимают с эпохи всякий налет поэтичности – каким бы «поэтическим» слогом ни расписывал эту «сказку-быль» восторженный повествователь.

Именно это создает эффект конечного превращения «*эпического вулкана*», представленного в «Гарасе Бульбе», в «*повесть о том, как бесславно дотлевают эпические страсти*», – так охарактеризовал повесть о двух Иванах современный украинский исследователь [13; 84]. Именно к этому эффекту и апеллировало исключенное автором «предисловие», прямо направленное на образ того «света», в котором – «скудно, господа»...

Литература и примечания:

1. Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Под ред. В.В. Гиппиуса. – Вып.1. – М.-Л., 1936.
2. См. комментарии в изд.: Гоголь Н.В. Собр. соч. в 9-ти тт. – М., 1994. – Т.1-2.
3. Северная пчела. – 1835. – № 115.
4. Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809-1845. – М., 2004.
5. Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Мифология. Идеология. Контекст. – М., 1993.
6. См.: Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. – СПб., 1997.
7. Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. – СПб., 2003.
8. Гиляровский В.А. По следам Гоголя // Гиляровский В.А. Избранное в 3-х тт. – М., 1961. – Т.2.
9. Переписка Н.В. Гоголя в 2-х тт. – М., 1988. – Т.1.
10. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. О русской литературе: Статьи и исследования. – СПб., 1997.
11. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. – М.-Л., 1959.
12. Белый А. Мастерство Гоголя. – М.-Л., 1934.
13. Скуратовский В. «На пороге как бы двойного бытия» (Из наблюдений над мирами Гоголя) // Гоголеведческие студии. Вып. 2. – Нежин, 1997.

Анотація

У статті аналізуються зміст та роль передмови М. Гоголя до «Повісті про те, як посварилися Іван Іванович з Іваном Никифоровичем», а також розкриваються особливості художньо-історичного мислення письменника.

Аннотация

В статье анализируются содержание и роль предисловия Н. Гоголя к «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», а также раскрываются особенности художественно-исторического мышления писателя.

Summary

The article explores contents and functions of Gogol's Introduction to «The story of quarrel between Ivan Ivanovich and Ivan Nikiphorovich», and also reveals peculiarities of writer's historical views.

Абрамович С.Д. (Черновцы)

МОТИВ НАРКОТИЧЕСКОГО ТРАНСА У ГОГОЛЯ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ РОМАНТИЧЕСКОГО КУЛЬТА ФАНТАЗИИ

В «Невском проспекте» влюбившийся в уличную женщину художник Пискарев, который надрывно переживает расхождение своей грезы и реальной жизни, ищет забвения в опиуме, купленном у иранского купца, и эта ситуация уже привлекала внимание исследователей как нетривиальная и тревожащая.

Еще в 1-й пол. XX ст. В.В. Виноградов и М.П. Алексеев показали, что Гоголь использовал в «Невском проспекте» картины наркотического наваждения, развернутые в книге Т. де Квинси «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум» (1821) – бестселлере гоголевской эпохи, герой которой, нищий молодой человек с лондонской улицы, все глубже погружается в бездну наркомании [1].

Этот тезис активно разворачивает сегодня Марина Кудимова в книге «Голод-Гоголь», глава из которой «Гоголь и опиум» была недавно опубликована в Интернете (www.poezia.ru/person.php?Sid=31-51k). Следуя М.П. Алексееву, она приводит убедительные доказательства того, что Гоголь хорошо знал упомянутую книгу Т. де Квинси и что описания опиумных грез [2] отразились на структуре гоголевского художественного образа мира – как в «Невском проспекте», так и в более ранних «Арабесках» (1835). Но это лишь